

ВИНА АЛЕШИ КАРАМАЗОВА
ПЕРЕД СМЕРДЯКОВЫМ В ОТЦЕУБИЙСТВЕ

В идейно-сюжетной структуре романа «Братья Карамазовы» автор придает большое значение понятию «память» или «воспоминание». Это понятие включает духовный потенциал человека не только в психологическом, но и в моральном воспитательном плане. Вспомним, что, когда Достоевский обсуждает социальную проблему «случайного семейства», ее всегда сопровождает идея святости памяти и воспоминания для человека в детстве. Этому посвящена моя статья «“Воспоминание спасет человека!”: по поводу значения воспоминания детства в творчестве Ф. М. Достоевского» в сборнике воспоминаний и научных статей памяти В. А. Туниманова,¹ в которой я рассмотрел проблему значимости памяти или воспоминания в детстве для героя, повествователя и автора в творчестве Достоевского.

Общепризнано, что сюжет романа «Братья Карамазовы» разворачивается на основе проблемы «случайного семейства», неоднократно обсуждавшейся в «Дневнике писателя» 1876–1877 гг. в статьях о деле Кронеберга, родителей Джунковских и т. д.

Достоевский отмечает истоки «случайного семейства»: «...прилености отцов к семейству, детки уже в высшей степени оставлены на случайность! Нужда, забота отцов отражается в их сердцах с детства мрачными картинами, *воспоминаниями* иногда самого отравляющего свойства» (25, 180 – курсив мой. – Т. К.).

В этом замечании наше внимание привлекает акцентирование писателем влияния памяти, воспоминания на будущую жизнь детей:

Дети вспоминают до глубокой старости малодушие отцов, ссоры в семействах, споры, обвинения, горькие попреки и даже проклятия на

---

¹ Sub specie tolerantiae. Памяти В. А. Туниманова. СПб., 2008. С. 110–117.

них <...>. И долго потом в жизни, может, всю жизнь, человек склонен слепо обвинять этих прежних людей, ничего не вынеся из своего детства, чем бы мог он смягчить эту грязь *воспоминаний*... (25, 180)

Дальше писатель предупреждает о возможной опасности в будущем:

...ведь большинство-то их уносит с собою в жизнь не одну лишь грязь *воспоминаний*, а и самую грязь, запасется ею даже нарочно, карманы полные набьет себе этой грязью в дорогу, чтоб употребить ее потом в дело и уже не с скрежетом страдания, как его родитель, а с легким сердцем (25, 180 – курсив – оригинальный, жирный. – Т. К.).

Эти пассажи сразу нам напоминают ситуацию четырех сыновей Карамазовых, включая Смердякова. Все они от рождения страдают из-за распущенного образа жизни отца и воспитаны чужими в разлуке с отцом. Они лишены «лона» семьи, воспитывающей воспоминание в детстве, которое Достоевский считает нравственной опорой человека в критический момент жизни.

Отметим, что вслед за прежними пассажирами Достоевский утверждает: «Без зачатков положительного и прекрасного нельзя выходить человеку в жизнь из детства, без зачатков положительного и прекрасного нельзя пускать поколение в путь» (25, 181). Это наставление писателя несомненно совпадает с известной речью Алеши у камня перед мальчиками:

Знай же, что ничего нет выше, и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, как хорошее какое-нибудь *воспоминание*, и особенно вынесенное еще из детства, из родительского дома. Вам много говорят про воспитание ваше, а вот какое-нибудь этакое прекрасное, святое *воспоминание*, сохраненное с детства, может быть, самое лучшее воспитание и есть. *Если много набрать таких воспоминаний с собою в жизнь, то спасен человек на всю жизнь. И даже если и одно только хорошее воспоминание при нас останется в нашем сердце, то и то может послужить когда-нибудь нам во спасение* (15, 195 – курсив мой. – Т. К.).

По поводу значения памяти или воспоминания для обоих братьев, Ивана и Алеши, рожденных от одной матери, Сони, умершей в их младенчестве (когда Алеше было 4 года, а Ивану 7 лет), и воспитанных вместе в чужой семье (по меньшей мере до 13 лет Ивана, когда он ушел в пансион в Москву), повествователь говорит подчеркнуто контрастно. Акцентируя то, что дети обязаны «благороднейшему и гуманнейшему» Поленову «воспита-

нием и образованием на всю жизнь», он явно намекает, однако, на негативный характер воспоминания Ивана о своем детстве:

В подробный рассказ их детства и юности я опять пока не вступаю, а обозначу лишь самые главные обстоятельства. Впрочем, о старшем, Иване, сообщу лишь то, что он рос каким-то угрюмым и закрывшимся сам в себе отроком, далеко не робким, но как бы еще с десяти лет проникнувшим в то, что растут они все-таки в чужой семье и на чужих милостях и что отец у них какой-то такой, о котором даже и говорить стыдно, и проч., и проч. (14, 15)

Для Ивана воспоминание о детской жизни, по-видимому, оказывается тяжелым, мрачным и негативным, следовательно, недостойным воспоминания. В отличие от Ивана, Алеша, переживший такое же несчастное детство, как и брат, хранит счастливые воспоминания о матери, «как бы светлыми точками из мрака, как бы вырванным уголком из огромной картины» (14, 18). Характер такого воспоминания Алеши созвучен словам старца Зосимы: «Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском <...>. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное» (14, 263–264 – курсив мой – Т. К.).

Отметим, что жанр романа «Братья Карамазовы» включает элементы жанра мемуаров. Во-первых, роман написан как жизнеописание героя Алеши 13 лет тому назад в стиле воспоминания. Как отмечает проф. Р. Белкнап, тема воспоминания появляется в самом первом предложении первой главы романа с описания того, что смерть Федора Карамазова теперь еще припоминаема через 13 лет. И эта тема повторяется до последней главы романа, начиная со службы о вечной памяти покойного Илюши и кончая речью Алеши о значении воспоминания из детства.²

Как справедливо указывает проф. Белкнап, в романе положительное связано с памятью, а негативное – с забыванием.³ Судьба сыновей определилась забвением Федором Павловичем отцовской ответственности. С забыванием Алешей розыска Дмитрия непосредственно связано преступление Смердякова – убийство отца.

---

² *Belknap R. L. The Genesis of «The Brothers Karamazov».* Northwestern Univ. Press, 1990. P. 79–80.

³ *Ibid.* P. 82.

Цель данного доклада – обратить внимание на судьбу Смердякова в свете главной идеи, определяющей сюжет романа: «память» или «вспоминание». В романе Смердяков с начала до конца стоит совершенным особняком. К зоне человеческой заботливости или озабоченности по линии Алеши – старца Зосимы причастны Дмитрий, Иван и даже Федор Павлович.

Что касается Смердякова, он совсем одинок и как антипод полностью исключается из их круга. Тем не менее, по всей вероятности, Смердяков считал Федора Павловича своим отцом. Кто относился к Смердякову доброжелательно, кроме Марьи Кондратьевны и ее матери, которые своей фамилией ассоциируются с основателем религиозной секты скопцов, и жены Григория – Марфы? Человеческое начало в Смердякове открывается перед читателями только в сцене разговора его с девушкой (в главе «Смердяков с гитарой»). Когда мы читаем признание Смердякова перед Марьей Кондратьевной в свете наставления, столько раз повторяемого старцем Зосимой Алеше и автором в «Дневнике писателя» о серьезном воспитательном значении «памяти» или «вспоминания» для человека в детстве, удивляемся, как можно было оставить этого человека в таком жалком, психологически безвыходном, подавленном состоянии. Кто вынудил жалкого Смердякова произнести такие слова: «...я бы позволил убить себя еще во чреве с тем, чтобы лишь на свет не происходить вовсе-с» (14, 204)? Кто из героев-самоубийц Достоевского высказал такие мрачные горькие слова? И катастрофическое психологическое состояние Смердякова выражено в его гневных словах: «Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнес, что я подлец, потому что без отца от Смердящей произошел, а они и в Москве это мне в глаза тыкали, отсюда благодаря Григорию Васильевичу переползло-с» (Там же).

Другая важная проблема – отношение Григория как отца к своему приемному сыну Смердякову. Американский ученый Владимир Голдстейн прекрасно анализирует нарушение отцовской ответственности Григория и указывает, что частично Григорий виновен в убийстве Федора Павловича.⁴ Григорий – слуга, верный хозяину, и, по-видимому, честный, твердый,

---

⁴ *Goldstein V. Accidental Families and Surrogate Fathers: Richard, Grigory and Smerdyakov // A New Word on the Brothers Karamazov / Ed. by R. L. Jackson. Northwestern Univ. Press, 2004. P. 90–106.*

религиозный человек, что дает читателю впечатление, что его оценке Смердякова можно доверять. На самом же деле этот старик, по замечанию повествователя, «мрачный, глупый и упрямый резонер» (14, 13), оказался гонителем Смердякова. Григорий упрекал мальчика в неблагодарности и даже «больно наказал розгой» за странную игру с мертвой кошкой (14, 114). А потом он оскорбил и унизил ребенка, прямо в лицо бросив ему слова: «...ты не человек, ты из банной мокроты завелся, вот ты кто...» (Там же). По словам повествователя, «Смердяков, как оказалось впоследствии, никогда не мог простить ему этих слов». Во время занятий по священной истории Григорий, оскорбленный неожиданным вопросом двенадцатилетнего умного мальчика, «неистово ударил ученика по щеке». Это послужило началу падучей у Смердякова.

В Смердякове подчеркнуто, что «он был страшно нелюдим и молчалив. Не то чтобы дик или чего-нибудь стыдился, нет, характером он был, напротив, надменен и как будто всех презирал» (Там же). Но подход повествователя к Смердякову далек от авторского диалогического отношения к герою и дает читателям впечатление, как будто характер героя предопределен судьбой из-за ненормального рождения. Смердяков во всем протестует против предопределения своей судьбы, этот образ проникнут мотивом протеста. Во-первых, он не хотел появляться на свет, во-вторых, он ненавидит Россию, потому что все с презрением говорят о его матери – Лизавете Смердящей: «...ходила она с колтуном на голове, а росту была всего двух аршин с *мальиш*» (14, 204). В результате он обожает Наполеона и жалеет, что французы не покорили русских в 1812 г.

Стремясь убежать из России, Смердяков самостоятельно выучил «французские вокабулы». Он мечтает уехать из Скоттопригоньевска и открыть в Москве кафе-ресторан. Он не без основания хвастается своим поварским талантом («Потому что я готовлю специально, а ни один из них в Москве, кроме иностранцев, не может подать специально», 14, 205) и презирает Дмитрия: «Дмитрий Федорович хуже всякого лакея и поведением, и умом, и нищетой своею-с, и ничего-то он не умеет делать, а, напротив, от всех почтен» (Там же).

Если посмотреть глазами Смердякова на мир вокруг него, следует признать за ним право на такую гордыню, потому что среди героев романа только он по-настоящему занят работой.

В этом смысле интересна статья П. Фокина «На кухне Смердякова». Автор характеризует поварскую работу Смердякова как *творчество*:

И, как творец, он чувствует себя «коллегой» Бога, точнее, он – «анти-Демидург», потому что в отличие от других художников, работающих с материалами неорганического происхождения, прежде чем «сочинить» что-то свое, повар должен уничтожить некое творение Божие.⁵

Трактовка П. Фокина очень интересна и убедительна, тем не менее я боюсь, что его определение профессии повара приводит к фиксации мотива предопределенности судьбы в личности Смердякова. В действительности, Смердяков, стыдясь своего униженного положения и протестуя против силы предопределенности, всегда поступает наперекор чужому взгляду на него. Подчеркнутую в нем болезненную чистоплотность можно считать реакцией на прямую ассоциацию со своей фамилией, этимологически связанной со словом «смердеть».

Смердяков как таковой, можно сказать, представляет собой важнейший для Достоевского тип личности героя «подпольного самосознания». В этом смысле, мне думается, чрезвычайно важна принадлежность Смердякова к секте скопцов, хотя это дано лишь намеком и связано только с его внешностью: «Он вдруг как-то необычайно постарел, совсем даже несоразмерно с возрастом сморщился, пожелтел, стал походить на скопца» (14, 115), «скопческое, сухое лицо его стало как будто таким маленьким» (15, 43), «с гневом и отвращением глядел он (Иван. – Т. К.) на скопческую испитую физиономию Смердякова с зачесанными гребешком височками...» (14, 243).

Поскольку Смердяков стыдился своего происхождения от бедной матери в результате насилия над ней развратника, неудивительно, что порыв самоотрицания и неприязнь к разврату толкнули Смердякова в секту скопцов, ведь, как известно, радикальный аскетизм скопцов являлся реакцией на половой анархизм секты хлыстов.

Если принять это предположение, то можно утверждать дальше, что главная причина отцеубийства заключается не столько в метафизическом влиянии Ивана («всё позволено»),

---

⁵ Фокин П. На кухне Смердякова // Достоевский и мировая культура. М., 2003. № 17. С. 402–403.

сколько в аккумулированной у Смердякова затаенной ненависти к отцовству. Конечно, в многослойной сюжетной структуре романа следует рассматривать мотив убийства во множестве планов: и в социальном, и в метафизическом, и в психопатологическом, и экзистенциально-антропологическом.

Я хотел бы обратить внимание на тот факт, что стиль повествования по отношению к Смердякову всегда характеризуется внешней объективностью и отсутствием сопереживания по отношению к герою. И самое главное, что даже Алеша с его всегдашней «доминантой» на другого никогда не обращает серьезного внимания на бедного Смердякова, не выказывает человеческого отношения к нему. Поскольку не кто иной, как Алеша, подслушал горькое признание Смердякова перед Марьей Кондратьевной, спрашивается, что помешало Алеше забыть или проигнорировать Смердякова и остаться в совершенном молчании о нем, исходя из своей высокой идейной позиции, которую он проповедовал мальчикам в финале романа о важном воспитательном значении «воспоминания и памяти» в детстве? Неужели Алеша забыл пассаж из поучения старца Зосимы:

Но горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслью, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих Бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслью в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь (14, 293).

Алеша, первым узнав о самоубийстве Смердякова от Марьи Кондратьевны и прибежав с ней на место трагедии, сообщает Ивану об этом, не выражая никакой собственной человеческой реакции на случившееся, а заботится только о старших братьях. После галлюцинации и потери сознания Иваном Алеша помолился о Мите и в частности об Иване:

Засыпая, помолился о Мите и об Иване. Ему становилась понятною болезнь Ивана: «Муки гордого решения, глубокая совесть!» <...> «Бог победит! – подумал он. – Или восстанет в свете правды, или... погибнет в ненависти, мстя себе и всем за то, что послужил тому, во что не верит», – горько прибавил Алеша и опять помолился за Ивана (15, 89).

Не дискриминация ли это со стороны Алеши по отношению к Смердякову, оставившему горькую записку: «Истребляю свою жизнь своею собственною волей и охотой, чтобы никого не

винить» (15, 85)? И как в связи с этим рассматривать кредо Алеши по значению «воспоминания и памяти» для человека да еще в свете учения старца Зосимы? Можно сказать, что то, что Алеша забыл отыскать Дмитрия в критический момент и его игнорирование Смердякова как своего возможного брата послужило причиной реализации отцеубийства. В этом смысле Алеша виноват.

Алеша в романе, встречая всех главных героев и в качестве посредника открывая их ситуацию читателю, имеет важную повествовательную функцию. Тем не менее встреча его со Смердяковым в сущности ни разу не состоялась. Алеша просто не интересуется судьбой Смердякова.

В повествовательном стиле рассказчика, поставившего своей целью написать жизнеописание Алеши и разделяющего интерес с ним к другим, образ Смердякова не освещается изнутри. Метафорические сравнения Смердякова с мужиком-«созерцателем» в картине Крамского и с Валаамовой ослицей служат для акцентирования духовной мистической странности Смердякова только с внешней точки зрения. Дальше повествование о Смердякове разворачивается в кругу интеллектуального плана Ивана, и Смердяков характеризуется или двойником, или приспешником, или карикатурой, или тенью идеи Ивана или метаморфозой черта. По меткому замечанию Н. Б. Роговой, Иван не видит в Смердякове «того самого “малого”, ребенка, детские слезы которого вызывают в нем, в его душе бурное, ожесточенное негодование».⁶

Таким образом, вследствие упущения человеческой реальности Смердякова из повествовательного зрения не удовлетворяется полноценность самой главной идеи в романе, декларируемой Алешей и старцем Зосимой. Произошло ли это из эстетического соображения автора-художника Достоевского, который до конца жизни рассматривал все проблемы в их относительности, или из непреодолимого диссонанса между эстетикой и моральным учением писателя? Этот вопрос, вероятно, касается самой сущности поэтики Достоевского, и требуется более глубокий анализ.

---

⁶ Рогова Н. Б. *Идея духовного «отечества» и «братства» в романе «Братья Карамазовы» // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. № 19. С. 196.*